

Михаил Смирнов

Сказ тьмы. Корень зла

Михаил Смирнов
Сказ тьмы. Корень зла

«Автор»

2026

Смирнов М. В.

Сказ тьмы. Корень зла / М. В. Смирнов — «Автор», 2026

Мир, в котором нет солнца. Стена, сотканная из клятв и душ павших воинов. Тьма, которая ждёт уже тысячу лет. От древнего Ордена Стражей осталось трое: шестнадцатилетняя Светлана, её дед Буреслав и бабка Велеслава. Стена угасает — её пьёт Репка, чудовище из сплетённых корней, превращающее обеты в проклятия. Но главный враг приходит не снаружи. Из Тьмы возвращается Агнехрон — отец Светланы, когда-то предавший Орден и убивший жену. Он просит прощения. И Светлана стоит перед выбором: сохранить клятву — или простить. Устоять — или рухнуть вместе со Стеной. Тёмное славянское фэнтези, где знакомые с детства образы обретают новую, пугающую глубину. История о жертве, памяти и невозможной цене прощения. Первый том дилогии.

© Смирнов М. В., 2026

© Автор, 2026

Михаил Смирнов

Сказ тьмы. Корень зла

Пролог: Первый Дозор

Стук топоров, крики и весёлые свисты разрезали неестественную тишину равнины. Мужики, плечом к плечу, строили новую деревню. Не по приказу князя или жреца - по собственной, твёрдой как камень воле. Они собрали семьи, погрузили на телеги весь свой скарб - от зерна до бабушкиных прялок - и ушли. Ушли оттуда. Сюда, где им пока ничего не было известно. Даже дорогу сюда они забыли почти сразу, как ступили на эту траву, будто память стирало само это место. Но каждый, кто заносил топор над первым вкопанным столбом, знал: без меня всё рухнет. Это был подвиг не ярости, а тихого, упрямого домостроя на краю света.

Они были последними. Теми, кто дал клятву пред Чёрным Престолом – стоять меж миром живых и вечной ночью. Орден Стражей Тьмы, что принял на себя тяготу быть щитом. И щит этот они возводили теперь здесь, на самой грани, из брёвен и упрямыства. Равнина была... обычной. Слишком обычной. Та же зелёная трава, тот же весело журчащий ручеёк, то же высокое голубое небо с пушистыми облаками. Словно кусок родной земли аккуратно вырезали и перенесли сюда. Но подвох чувствовался кожей. Воздух был статичным, лишённым запахов дальних полей и дымок других деревень. Он не двигался, а висел, тёплый и неподвижный. И была ночь. Она не наступала – она была. Там, за чёткой, как ножом отрезанной, линией горизонта. Здесь - вечный, ровный, безтеневого день. Там - беспросветная, бархатная чернота, в которой не мерцало ни единой звезды. Солнце осталось там, в старом мире. Свет здесь исходил от Неё – от Стены.

Она вставала исполинским, молочным утёсом, у подножия которого ютилась деревня. У неё не было ни начала, ни конца, ни вершины. Взгляд скользил вверх – и терялся в сияющей дымке; бёгал вбок – и упирался в ту же гладь, уходящую за кривизну земли. Она была границей, полом и потолком их нового мира. Всё, что было здесь, - было. Всё, что там, исчезло навсегда.

Уже был налажен быт, хоть и было странно жить без смены дня и ночи. Время мерили по усталости и голоду. Мужики рубили избы, ставили крепкую общую кухню и мельницу с причудливо неподвижными, на случай ветра, лопастями. Бабы разбили огороды, нашли поляну с кислой дикой ягодой, устроили загоны для немудрёной скотины. Детворе сколотили качели, а для учёбы отвели самый крепкий, ещё пахнувший смолой сруб.

Там же, в самом крепком срубе, над огнивом висели не иконы – свиток с Первым Законом Ордена. «Не помышлять о Там». И ниже – знаки всех родов, принявших Обет. Их было немало. Сотни.

В этот «день» двое богатырей из правого дозора завершили обход. Их звали Горислав и Ратибор. Ушли они на рассвете – если смена усталости и голода могла называться рассветом. Вернулись же теперь, когда тени (которых не было) должны были бы стать длиннее. Часов шесть, не меньше. Таков был закон петли – обойти её всю, от деревни до деревни, занимало полдня. Они вышли из-за плавного изгиба Стены слева, хотя уходили направо. Это был закон этого места: уйдёшь вправо - вернёшься слева. Уйдёшь влево - появишься справа. Два отряда, стартующие одновременно в противоположные стороны, не встречались в пути. Они встречались только здесь, в деревне, завершив полный оборот. Это был не круг. Это была петля, завязанная вокруг единственной точки - их дома.

Горислав, старший, седой уже на висках, но широкий в плечах, подошёл к Стене вплотную. Он задрал голову, пытаясь, как в сотый раз, разглядеть её вершину. Бесплезно. Тогда он приложил ладонь к её поверхности. Она была не каменной и не ледяной. Она была... тепло-живой. Под кожей ладони чувствовалась лёгкая, ритмичная вибрация - будто внутри билось одно огромное сердце, или тысяча маленьких, слившихся в один пульс. От Стены исходил не звук, а гулкое, убаюкивающее тепло, словно от печки, в которой никогда не потухает огонь.

– Слышишь? - не оборачиваясь, сказал Горислав. Его голос был низким и вязким, как мёд. Ратибор, помоложе, с ясными, ещё не уставшими от чуда глазами, прислушался. - Слышу. Бьётся. Как будто спит кто-то огромный и добрый. - Добрые... - Горислав усмехнулся беззвучно. - Добрые так не спят. Они спят тихо. А это... Это стон. Тихий-тихий, от самой середины. Как у того, кому снится один и тот же плохой сон, да вырваться невмочь.

В этот момент из-за плавного изгиба Стены справа показались двое других дозорных - левого обхода. Они шли усталой, но всё такой же твёрдой походкой людей, выполнивших долг. Их лица были зеркальным отражением Горислава и Ратибора: та же усталость, та же привычка к невозможному.

– Ну что, - крикнул подошедший левый дозорный, Мстига, вытирая лоб. - Нашли край?

– Край один, - отозвался Горислав, наконец отнимая ладонь от Стены. На том месте ещё долго сохранялось приятное, сосущее тепло. - И он тут. Деревня наша. Всё остальное - стена да петля.

– И петля та цела, - подтвердил второй левый дозорный, юный Вольга. - Ни прорех, ни трещин. Идётся, идётся ... трава, стена ... трава, стена ... Голова кружиться начинает, будто идёшь по краю огромной-огромной чаши. А потом - опять дома.

Они постояли в молчании, четверо у подножья своего нового мира. Стена мягко светилась, озаряя их лица неживым, ровным светом. От неё не было теней. Всё было плоским и чётким, как на иконе.

– И что же там, за ночью? - тихо спросил Ратибор, глядя на чёрную, абсолютную линию горизонта.

Горислав положил тяжёлую руку ему на плечо. - Забудь, сынок. Там - ничего. А здесь - всё. Наша земля, наши семьи, наша стена. Её гул – наша колыбельная. Её тепло - наш очаг. Больше у нас ничего нет. Он помолчал, глядя на усиленно строящуюся деревню, на дымок из первой же по-настоящему растопленной печи. - И, кажется, этого должно хватить.

Они разошлись - одни к только что срубленной бане, другие - отчитываться старейшинам. А Стена продолжала мягко гудеть, согревая их спины своим нерушимым, живым, вечным светом. Она была их защитой, их тюрьмой и их новым небом. И пока её гул был ровным, а тепло - постоянным, они могли строить, растить детей и верить, что подвиг их не напрасен.

Просто ещё один день у Стены. Первый из многих. Последний из тех, что будут спокойными. Горислав с Ратибором, отряхивая с портов пыль несуществующей дороги, направились к колоду-алтарю, чтобы отчитаться за дозор. Но собрание уже кипело. В центре, со связанными руками, стоял не буйный юнец, а Звенислав, один из первых строителей, чьи руки поднимали

первые венцы изб. Лицо его было не дерзким, а раздавленным, будто он сам не верил в то, что его поймали.

– ...голос был ясным, как колокол, - шамкал Звенислав, не глядя ни на кого. - Не из тьмы ... а сквозь тьму. Он сказал ... он сказал, знает дорогу домой. На ту сторону Стены. Где солнце встаёт и садится. Где ночь сменяет день, а не сторожит его вечно ...

В толпе стояла гробовая тишина. Это была не измена уму, это была измена сердцу. Каждый втайне тосковал по яблоням своего старого сада, по крику петуха с соседского подворья, по настоящей ночи, в которой можно спрятаться ото всех.

– И что же он попросил в обмен на эту дорогу? - спросила старейшина Малуша. Её голос дрогнул - не от гнева, а от леденящего ужаса.

– Он ... он сказал, путь долог, и ему нужны ... ориентиры, - Звенислав зашептал, словно боялся, что голос услышит. - Семена. Чёрные, липкие, как смола. Нужно было лишь ... посеять их у самого подножия Стены. Там, где тень от травы ложится. Чтобы они проросли и указали дорогу ... мне ... и всем, кто захочет ...

«Посеять у Стены».

Эти слова повисли в воздухе холоднее любого приговора. Это был не побег. Это был акт порчи. Осквернение самого священного. Горислав, стоявший на краю толпы, инстинктивно прикоснулся к рукоятки ножа. Его взгляд встретился со взглядом Святогора. В глазах старейшины читалась не ярость, а бесконечная усталость. Как будто он этого и ждал.

– Ты слышал голос Тьмы, Звенислав, - сказал Святогор без предисловий. - И он говорил с тобой на языке твоей тоски. Он нашёл трещину в твоей душе и просунул в неё свой корень. Ты хотел вернуться в прошлое, а он предложил тебе похоронить будущее. Эти семена – не указатели. Это яд для Стены. Это первый шаг к её падению.

– Нет! - вскрикнул Звенислав, и в его крике был отчаянный протест обманутого ребёнка. - Он обещал! Он сказал ...

– Он солгал, - отрезала Малуша. - Как будет лгать каждому, кто захочет слушать. Первый Закон - «не помышлять о Там» - не из жестокости. Он из знания. Знания о том, что Там не земля и не люди. Там - Оно. И оно голодно. И оно начинает с малого. С семечка. С одной слабой души.

Приговор был неизбежен. Изгнание. Не как наказание, а как карантин. Чтобы зараза тоски и лжи не расползлась. Когда его вели к границе, Звенислав не смотрел в Ночь. Он смотрел через плечо, на деревенские огни, на знакомые лица, на Стену, свет которой вдруг показался ему не уютным, а пленным. Он успел прошептать, обращаясь уже ни к кому: - А если ... если он прав?.. Если мы все тут ... просто заблудились?..

Но его шагнули в черноту. И тьма приняла его беззвучно, как вода принимает камень. На обратном пути Ратибор, бледный, спросил у Горислава: - Дядь ... а он мог быть прав? Может, мы и вправду ...

Горислав резко обернулся, и в его глазах вспыхнул тот самый огонь, что заставлял когда-то идти сюда. - Здесь - наш дом, - прошипел он. - Всё остальное - ловушка. Запомни: Стена не отрезает нас от мира. Она закрывает дверь перед тем, что мира не достойно. А то, что стучится в дверь и шепчет сладкие речи ... тому и вовсе не должно быть места под солнцем. Которого тут нет.

В ту ночь (если можно назвать ночью вечный, светлый час) многие не спали. Они лежали и слушали. Не убаюкивающий гул Стены, а тишину за горизонтом. И каждому чудилось, что в тишине этой теперь есть знакомый шёпот. Шёпот, который знает твоё имя. Знает твою самую глубокую, затаённую боль. И знает, какую маленькую, «простую» услугу может попросить в обмен на её исцеление.

Первая Осень была уже не за горами. А первое семя сомнения – чёрное и липкое - было уже посеяно. Не в землю. В память. И оно ждало своего часа, чтобы прорасти.

Утро, что не было утром

Плач был негромким, словно его давили подушкой. Но для пятилетних ушей, заточенных на малейший шорох в ночи, он звучал как раскат грома. Светка проснулась не от крика, а от этого странного, захлёбывающегося звука - не человека, а раненого зверька.

В комнате стояла непроглядная тьма. Не та, мягкая, в которой прячутся игрушки, а густая, тяжёлая, словно чёрная шерсть. Единственный источник света - жалкая, зелёная трещина под дверью в сени. Свет Стены. Когда-то, как рассказывала мама, он заливал всё вокруг ровным, тёплым сиянием, в котором можно было читать. Теперь это был свет больной гнилушки, свет утопленника, бледный и недобрый. Он не освещал, а лишь подчёркивал очертания теней, делая их зловещими.

Девочка сползла с койки. Деревянный пол обжег босые ступни ледяным холодом. Она потянулась к двери, и её пальцы коснулись не дерева, а чего-то влажного и липкого, сочащегося из щели. Она отдернула руку, но запах уже ударил в нос - медный, сладковатый, знакомый. Запах, когда папа резал курицу.

Писк за дверью стал громче. В нём слышались слова, но исковерканные, словно голос пролезал сквозь горло, полное иголок. Светка толкнула дверь. Свет от Стены, жалкий и предательский, упал в спальню родителей клином гнилого света. Отец сидел на краю кровати, сгорбившись. На его руках лежала мама. Её светлые волосы были тёмными, мокрыми, слипшимися. Лицо - куском лунного серого сыра в полумраке. Но глаза ... Глаза отца. В них не было слёз. В них горели две крошечные красные точки, как тлеющие угли в пепле. Они светились своим, чужим, обратным светом, пожирая жалкие зелёные блики от Стены. Пол под ногами Светки был тёплым и скользким. Она посмотрела вниз. Темнота. Но мокрая. Липкая. Она сделала ещё шаг. Отец резко дёрнул головой. Его взгляд - эти два красных гвоздя - вонзился в неё. Губы зашевелились, пытаясь что-то выговорить, но из горла вырывался только тот же жалобный, безумный писк. Он обнял безжизненное тело матери сильнее, и Светка увидела, что его руки, его большие, тёплые руки, что качали её на коленях, теперь покрыты чёрными, жилистыми прожилками, словно корнями.

В углу комнаты, куда не добивался даже свет Стены, что-то пошевелилось. Не с шорохом, а с тихим, влажным звуком переливающейся плоти. И в этой глубине вспыхнули две узкие жёл-

тые щели - холодные, внимательные, бесстрастные. От них исходил не звук, а вибрация - низкий, на грани слышимости, удовлетворённый рык хищника, наблюдавшего за своей добычей. Светка не могла пошевелиться. Её взгляд прилип к лицу матери. И вдруг - веки матери дрогнули. Открылись. Глаза были пусты, стеклянны, мертвы. Но они сфокусировались на дочери. Бледные, холодные губы разомкнулись. И голос, который прозвучал, был не звуком. Он возник прямо внутри Светкиной головы. Тихий, ясный, без единой дрожи, как удар ледяной иглой в самое сердце сознания: «НЕ ОТПУСКАЙ.»

И в этот миг из-за спины, из тёмного провала сени, обхватило её. Не тьма. Тёплые, шершавые, живые руки. И голос, пробивающийся сквозь кошмар, как луч сквозь грозовую тучу: - Светик ... Светланушка ... родная моя, проснись. Вставай, помоги бабке завтрак собрать. Уже ... утро.

Сознание вернулось не взрывом, а резким, чётким щелчком - как лезвие, встающее на место в ножнах. Ни вдоха, ни ахнувшего вдоха. Просто открылись глаза. В непроглядной тьме комнаты её зрачки ничего не уловили. Но она знала это место. Знала каждый выступ глиняной стены, каждую щель в потолке. Здесь не было неожиданностей. Неожиданностью был только сон. Всегда один и тот же. По щекам текли тёплые, солёные струйки. Она не всхлипывала. Дыхание было ровным, почти беззвучным. Слезы - это просто факт, как утренняя скованность в мышцах. Их невозможно было сдержать, и она давно перестала пытаться. В темноте Светлана различила, как склонилась над ней её бабушка, Велеслава. Она нежно держала внучку за плечо и что-то говорила: - Светик ... Светланушка ... родная моя, проснись. Вставай, помоги бабке завтрак собрать. Уже ... утро.

Она не сказала «не плачь». Она молча подошла, и её шершавая, тёплая ладонь легла на лоб Светланы, смахнула мокрые пряди волос. Это прикосновение было языком, на котором они общались лучше всего.

– Утро, - тихо произнесла бабка, и в этом одном слове не было ни насмешки, ни надежды. Был просто констатация времени для дел. - Вода в кувшинах застоялась, протухлою отдаёт. Сбегай к ручью, светик, свежей нацеди. Да посмотри, не принесло ли что с ночи на очиститель.

Это была ложь. Вода в кувшинах была вчерашней, но пить её можно было. Очиститель бабка проверила сама на заре. Но им обеим была нужна эта игра. Бабке - чтобы дать внучке повод встать, отряхнуться, смыть слёзы движением. Светлане - чтобы принять эту соломинку, не теряя лица. Светлана кивнула в темноте. Голос не дрогнул, когда она ответила: - Сейчас, баб.

Никаких лишних слов. Бабка потрепала её по плечу и так же молча вышла, растворившись в тени сеней. Ритуал был завершён. Светлана села, вытерла лицо рукавом грубой рубахи. Слезы уже высохали, оставляя на коже стянутые солёные дорожки. Она не зажгла светильник - берегли жир. Вместо этого она несколько секунд сидела с закрытыми глазами, выстраивая в голове привычный маршрут: кровать - сундук - одежда - кувшины у двери - выход. Действие. Оно было лекарством. Когда она открыла глаза, то уже различала в густой тьме смутные очертания. Спала она не раздеваясь - так было теплее. Оставалось лишь натянуть потрёпанные понёвы и кожаную безрукавку, сгребённые со стула. Она сделала это быстро, механически. Два пузатых глиняных кувшина у двери были холодными и шершавыми на ощупь. Она взяла их, почувствовав привычную тяжесть в руках, и толкнула плечом массивную дверь, ведущую из их жилой берлоги наружу. И тогда её, наконец, окатило светом.

Дверь захлопнулась за её спиной с глухим, конечным звуком. И Светлана замерла на секунду, давая глазам привыкнуть. Свет. Это было не то слово. То, что лилось с неба - вернее, с того места где должно было быть небо - нельзя было назвать светом. Это была серая безнадежность, разлитая по миру. Как пепел, взвешенный в мутной воде. Как тусклое сияние гнилого пня в глухую ночь.

Стена. Она была везде. Не просто вдаль - она заменяла собой горизонт, небо, всё. Гигантская, безразмерная, уходящая ввысь до слияния с серой мутью, она стояла в двухстах шагах от порога. Её поверхность, когда-то, должно быть, гладкая и сияющая, теперь была подобна старому, покрытому язвами щиту - испещрена тёмными прожилками, впадинами, шрамами. Она не излучала - она тлела тусклым, больным серебром, которого едва хватало, чтобы отличить землю от неба. Будто последние угли в очаге, растянутые на всю вселенную. Именно этим светом - светом гаснущего мира - и был залит их Край.

Светлана сделала первый шаг, и хрустнул подошвой не трава, а серая, ломкая пыль, покрытая редкими клочьями чего-то, что когда-то было мхом. Никакого ручья с весёлым журчанием. Никаких зелёных полян. Воздух был неподвижным, мёртвым и пах старой гарью, окисленным металлом и чем-то сладковато-гнилостным - запахом медленного разложения, длящегося веками.

Она знала дорогу. Не тропинкой - тропинки здесь не вытаптывались. А серией ориентиров в этом плоском, выцветшем аду. Первая вежа: Кривое, мёртвое дерево, больше похожее на костяную руку, вцепившуюся в небо. Его кора давно осыпалась, обнажив белую, словно обглоданную, древесину. У его корней лежали три грубых камня, положенных в ряд, и на каждом - высечен обережный знак, теперь почти стёртый временем. Под этим деревом-стражем покоился прах первых Стражей, умерших на посту. Здесь лежали те, чьи имена ещё помнили по клятвам Ордена. Бабка говорила, что камней когда-то было два десятка. Вторая вежа: Остов мельницы. Он мало напоминал строение - это был чёрный скелет из нескольких скособоченных балок, торчащих из земли, как рёбра павшего великана. Жернова, так и не водружённые на место, валялись рядом, наполовину вросшие в пыль. В безветрии в его прогнивших рёбрах иногда сам собой зарождался странный, гудящий стон, будто дух непостроенного дома всё ещё томился в своих костях.

Она шла, и её шаги поднимали облачка той самой серой пыли. Это была пыль самой Стены. Её крошечные, уже безжизненные частицы. Ими было пропитано всё. И вот, наконец, до неё донёсся звук. Не журчание. А тихое, жалобное бульканье, словно что-то тяжело дышало сквозь горло, полное грязи.

Ручей. Он змеился впереди, чёрной, маслянистой лентой. Его вода не отражала света Стены - она поглощала его, будучи гуще, темнее самой ночи. С берегов сочилась в него чёрная же жижа. Воздух над ним колыхался не от ветра, а от испарений - они пахли тухлыми яйцами и медью, щипали глаза. А рядом с этим мерзким потоком стояла конструкция. Главное дело их рук, помимо самой крепости. Очиститель. Никакого чуда здесь не было. Лишь упрямая воля к жизни, обёрнутая в кожу и камни. Два вкопанных столба, между ними - натянутая бычья шкура, на неё - слой крупных камней, потом мелкой гальки, потом песка, а сверху - комок давно посеревших, жёстких тряпок. Из-под этой груды, через прорванное в шкуре отверстие, сочилась тонкая струйка. Не прозрачная. Мутно-коричневая. Она капала в подставленный выдолбленный колод, откуда её можно было собирать.

Рядом с очистителем, на корточках, спиной к ней, сидел Буреслав. Он уже вернулся с обхода, и не с одной стороны, а с обеих. Петля сжалась так, что пройти её всю, и направо, и налево, теперь занимало едва ли час. Словно мир, который они охраняли, съёживался, уступая место. Он что-то чинил - подтягивал ремень из сыромятной кожи, подкладывал плоский камень. Его движения были медленными, точными, лишёнными суеты. В этом не было надежды сделать лучше - был лишь обряд поддержания. Чтобы завтра струйка не стала ещё тоньше, ещё грязнее. Он не обернулся. Просто, закончив возиться, тяжело вздохнул и произнёс хрипло, словно голос тоже был засорён той же пылью: - На левой стороне ... у отметки «Сломанный Зуб» ... трещина. Новая. Дышит. Пахнет ... осенью.

Он сказал это так же буднично, как бабка говорила о воде. Слова о трещине повисли в спёртом воздухе. Светлана лишь слегка сжала ручки кувшинов. Пальцы побелели на костяшках. Это было всё - её «к сведению». Осень. Трещина. Всё шло по кругу, как дозор вдоль Стены.

Она подошла к колоду, поставила кувшины. Вода сочилась медленно. Нужно было время. Буреслав, не поднимаясь с корточек, потянулся к лежащему рядом холщовому мешку. Достал оттуда деревянную чашку, вытер её рукавом, зачерпнул из колода. Вода в чашке была цвета слабого чая. Он отпил глоток, поморщился - не от вкуса, а от мысли - и протянул чашку Светлане. - Пей. На обратном пути тяжелее будет.

Он смотрел не ей в глаза, а куда-то мимо, на чёрную гладь ручья. Но его взгляд, быстрый и острый, как у старого ворона, мельком скользнул по её лицу. По едва уловимым, солёным дорожкам, протёртым рукавом, но не до конца скрытым. По слишком-ровному, каменному выражению, за которым читалось только ему и бабке известное напряжение. Светлана взяла чашку, отпила. Вода была тёплой, с привкусом песка и старой кожи. Она вернула чашку.

- В курятнике Ярица снесла яйцо, - вдруг сказал Буреслав, снова утыкаясь взглядом в свои руки, которые что-то поправляли на очистителе. - Второе за неделю. Маленькое, с крапинкой. Бабка говорит, из него петушок выйдет. Чудо, да и только.

Он говорил о курице. О яйце. Голос его был ровным, глуховатым, привычным. Никакого сочувствия. Никаких «как ты?». Просто факт из их маленького мира.

- Угу, - отозвалась Светлана, наклоняясь, чтобы проверить, как бежит струйка. - Только чтоб не как прошлый «петушок». Тот, помнишь,дохлый вылутился.

- Тот - от слабости, - отмахнулся дед. - А этот... Ярица - птица крепкая. Выживала, когда другие дохли. Значит, и птенец будет живучий. Бабка уже имя придумала - Боец.

Уголок губ Светланы дрогнул. Не улыбка. Скорее тень чего-то, что когда-то могло бы ею стать.

- Глупо. Курицу Бойцом звать.

- А что? - Буреслав пожал плечами. - Характер покажет. Может, и впрямь бойцом окажется. Лису отгонит. Или ворону.

Он замолчал, дав ей время. Звук падающих капель в кувшин был единственным в этом мёртвом месте.

– За дровами, наверное, надо сходить, - сказала Светлана уже спокойнее, перекладывая пустой кувшин под струю. - На той стороне оврага, у старой сосны, сухостой валяется. Сегодня, после...

Она не договорила «после тренировки». Он и так знал.

– Сходим, - кивнул Буреслав. - Только сосну ту осторожно. Возле неё земля мягкая, проседать начала. Как раз над той старой норой, помнишь?

– Помню.

Они снова замолчали. Кувшин наполнялся. В этом молчании не было неловкости. Оно было наполненным. В нём были курица Ярица, будущий петух Боец, сухостой у опасной сосны и мягкая земля над старой норой, которую они обходили десятки раз. В нём был их мир. Весь, до последней песчинки в воде и трещины в Стене.

Буреслав наконец поднялся, кряхтя, разминая затекшие колени. Подошёл, взял у неё из рук уже наполненный кувшин, поставил его на землю, взял пустой, подставил под струю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.